

**ДОНСКИЕ КАЗАКИ НА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ:
ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ
И ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОКОВ***

Амиран Урушадзе

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**DON COSSACKS IN THE CAUCASIAN WAR:
PECULIARITIES OF MILITARY SERVICE
AND CONTEMPORARY ASSESSMENT**

Amiran Urushadze

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article analyses the peculiarities of the military service of Don Cossacks in the Caucasus during the Caucasian War (1801–1864). The key problem is to determine the reasons for the decline in the combat effectiveness of Cossack regiments and the spread of negative assessments of their service. The author refers both to published historical evidence such as memoirs of participants in the Caucasian War and to archival documents not previously introduced into scholarly circulation. The temporary service of the Don Cossack regiments on the empire's southern outskirts prevented their adaptation to "Caucasian methods of war", as well as local climatic conditions. Another factor that did not allow the Don Cossacks to show their best qualities was the fragmentation of regiments into small groups for convoy duty. The annexation of the Caucasus was a great test for the Don Cossacks. Government resettlement by decree caused the uprising of 1792–1794, which managed to defend the traditional principles of resettlement (voluntarily and by lot) but did not stop Don Cossack colonisation of the Terek and Kuban. The Don Cossack regiments,

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Южного федерального университета.

***Citation:* Urushadze, A. (2020). Don Cossacks in the Caucasian War: Peculiarities of Military Service and Contemporary Assessment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531.

Цитирование: Urushadze A. Don Cossacks in the Caucasian War: Peculiarities of Military Service and Contemporary Assessment // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531 / Урушадзе А. Донские казаки на Кавказской войне: особенности военной службы и оценки современников // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1335–1350. DOI 10.15826/qr.2020.4.531.

which went to the Caucasus every three years, experienced serious difficulties in adapting to regional conditions of war and peace. The failures of the Don Cossacks in the Caucasian War accelerated the discussion about reforming the organisation of the Cossack army, from creating a permanent headquarters for the Don Cossack regiments in the Caucasus to holding military exercises for Cossacks.

Keywords: Caucasian war; Russian Empire; Don Cossacks; Military service; Caucasus.

Представлен анализ особенностей военной службы донских казаков на Кавказе в период Кавказской войны (1801–1864). Ключевой проблемой является выяснение причин снижения боеспособности казачьих полков и распространения среди современников негативных оценок их службы. Статья основана как на опубликованных исторических свидетельствах, представленных мемуарами участников Кавказской войны, так и на архивных документах, ранее не введенных в научный оборот. Временная служба донских казачьих полков на южных окраинах империи препятствовала их адаптации к «кавказскому образу войны», а также к местным климатическим условиям. Еще одним фактором, не позволившим донским казакам проявить свои лучшие качества, была раздробленность полков на небольшие группы для конвойной службы. Присоединение Кавказа было большим испытанием для донских казаков. Правительственное переселение по указу вызвало восстание 1792–1794 гг., участники которого сумели отстоять традиционные принципы переселения – добровольно и по жребию, но не остановили колонизацию донских казаков Терека и Кубани. Полки донских казаков, которые каждые три года отправлялись на Кавказ, испытывали серьезные трудности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донских казаков в Кавказской войне ускорили дискуссию о реформе организации донского казачьего войска, которая включала в себя различные аспекты, от организации постоянного штаба донских казачьих полков на Кавказе до проведения учений.

Ключевые слова: Кавказская война; Российская империя; донские казаки; военная служба; Кавказ.

Присоединение Кавказа стало большим испытанием для донских казаков. Донские полки, отправлявшиеся на Кавказ каждые три года, испытывали серьезные сложности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донцов в Кавказской войне ускорили обсуждение реформы организации казачьего войска, которая включала разные аспекты, от организации постоянных штабов донских полков на Кавказе до строевой подготовки.

В 1842 г. на Кавказ с ревизией прибыл военный министр князь А. И. Чернышев. Он хотел выяснить, почему провалилась административная реформа барона П. В. Гана. Однако министру был поручен и военный обзор края, в ходе которого А. И. Чернышев проводил полуофициальные встречи с офицерами регулярных и казачьих полков,

которые служили на Кавказе, воевали с непокорными горцами [Архив князя Чернышева, с. 255]. Во время обеда с командованием Кавказского линейного казачьего войска А. И. Чернышев, высоко отозвавшись о верной службе казаков-линейцев, добавил: «Одно только мне неприятно, что мои донцы от вас отстали» [Краснов, 1861, с. 145].

Военный министр был прекрасно знаком с боевыми качествами донских казаков. В конце 1812 г. А. И. Чернышев занимал должность начальника штаба Летучего казачьего корпуса М. И. Платова. В ходе заграничного похода 1813–1814 гг. А. И. Чернышев командовал кавалерийским отрядом, основную часть которого составляли донские полки [Меннинг, с. 79]. С 1819 г. А. И. Чернышев играл главную роль в деятельности Комитета об устройстве донского казачьего войска, который был призван модернизировать судебное-административное устройство донцов [Карасев].

Военный министр действительно имел все основания считать донцов «своими». Вполне понятно и то, что неудачная служба донских казаков на Кавказе вызывала у А. И. Чернышева неприятные чувства. Именно глава военного ведомства был главным поклонником донского казачества среди высшей российской бюрократии. А. И. Чернышев неизменно высоко оценивал боевые качества донцов, в которых после громких успехов Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813–1814 гг. никто не сомневался. Но Кавказская война основательно испортила безупречную репутацию донского казачества. Донцы неожиданно превратились в аутсайдеров Отдельного кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии). Кавказские неудачи донцов анализировались на страницах периодической печати, прежде всего в журнале «Военный сборник».

Историография участия донского казачества в войнах Российской империи XVIII – начала XX в. обширна [Безотосный; Сапожников; Рыжкова], но службе донцов именно на Кавказе посвящено всего несколько работ. Прежде всего это статья казачьего публициста и историка И. И. Краснова «Донцы на Кавказе», опубликованная еще в 1861 г. В этой работе автор попытался объяснить причины неудач донских казаков на Кавказе тем, что их использовали как вспомогательные отряды, а характер их службы на южной окраине империи был сменным [Краснов, 1861]. Основные положения работы И. И. Краснова остаются актуальными и сегодня, о чем свидетельствуют ссылки на статью в новейших исследованиях, посвященных административному управлению, войсковой экономике и военной службе донского казачества [Волвенко, с. 67–69]. В монографии А. В. Захаревича подробно исследуется боевое участие донцов в войне на Кавказе в короткий период 1801–1804 гг. [Захаревич]. В научно-популярной биографии Я. П. Бакланова, написанной историком-казаковедом А. В. Венковым, нашли отражение преимущественно события, напрямую связанные с жизнью и службой «грозы Кавказа» [Венков].

Таким образом, в исторической литературе отсутствует специальное комплексное исследование участия донских казаков в Кавказской

войне. В предлагаемой статье проанализированы особенности военной службы донских казачьих полков на Кавказе в контексте оценок современников – командиров российских войск на кавказской линии, историков и публицистов.

Борьба за традиции

После закубанского похода А. В. Суворова в 1783 г., который завершился разгромом ногайцев и утверждением российской границы по реке Кубань, Войско Донское обязано было регулярно отправлять сюда полки на пограничную службу. По итогам Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Стамбул признал Кубань в качестве границы, а также обещал «употребить всю власть и способы» для предотвращения набегов черкесов на российскую территорию [Договоры России с Востоком, с. 45]. Несмотря на обещания турок, российская администрация предприняла и другие меры, чтобы обеспечить безопасность южных рубежей империи. В январе 1792 г. командующий российскими войсками на Кавказской линии генерал И. В. Гудович отправил в Санкт-Петербург обстоятельный доклад, в котором предусматривал сооружение новых укреплений и устройство казачьих станиц на Кубани. Проект И. В. Гудовича предполагал поселение на Кавказе казаков трех войск – Донского, Волжского и Хоперского [Пронштейн, с. 325]. Но императрица Екатерина II решила иначе: согласно именному указу И. В. Гудовичу, переселение на Кубань волжских и хоперских казаков было «не признано полезным». Новые станицы должны были заселяться исключительно донцами с расчетом, что в каждую из запланированных к устройству 12 станиц необходимо было поселить по 200 семей (в Усть-Лабинскую – 400 семей). Для экономии времени и средств правительство полагало удобным оставить на Кубани шесть донских полков, находившихся под командованием И. В. Гудовича, и переселить к казакам семьи [ПСЗ-1, т. 23, с. 305]. Тем самым правительство игнорировало донские обычаи и традицию отправления донских казаков на заселение пограничных территорий. И на службу, и на поселение казаки отправлялись «по жеребу и по очереди», то есть в соответствии с жеребьевкой и порядком очереди. У трех из шести донских полков, стоявших в 1792 г. на Кубани, истекал трехлетний срок службы, казаки ожидали очередной смены и возвращения домой.

Известие о превращении трехлетней службы в постоянное поселение вызвало справедливое возмущение среди донцов. Казаки атаманского полка Поздеева отказались рубить лес и строить дома, открыто протестуя против решения правительства. Вскоре волнения перекинулись и на другие донские полки. Вожаком движения стал Н. И. Белогорохов, которому Е. Д. Фелицын дал такую характеристику: «человек решительного характера, дерзкий, готовый на самое отважное рискованное предприятие и обладавший способностью подчинять своему влиянию других» [Фелицын, с. 8]. 20 мая 1792 г. Н. И. Белогорохов увел с Кубани на Дон 778 казаков. Донское войсковое правительство с тру-

дом, но смогло локализовать восстание, и уже летом следующего года главные мятежники были показательно наказаны в крепости Дмитрия Ростовского. Экзекуции подверглись по двое представителей от каждой донской станицы [Пронштейн, с. 329]. Н. И. Белогорохов получил 50 ударов плетью и был сослан на каторгу в Нерчинск.

Расправа над восставшими не решила проблему организации переселения донских казаков на Кубань. Осенью 1793 г. в станицы направились чиновники войскового правительства для вручения местным начальникам грамот на переселение и сбора списков казаков-переселенцев. Но многие станицы дали правительственным эмиссарам отпор. Так, полковник Степан Леонов вынужден был спастись от казаков Семикаракорской станицы, которые, «подняв шум, кричали, чтоб грамоту не принять и не читать да из казаков на поселение не дать, выговаривая при том... ему, Леонову, поди ты сам на Кубань, а мы туда итти не желаем» [ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165. Л. 5]. Схожим образом события разворачивались в Пятиизбянской, Есауловской, Кобылянской, Голубинской, Сиротинской, Мигулинской, Каменской, Верхнекурмоярской и других станицах [Золотов, Пронштейн, с. 132–135]. Станичные атаманы, не в силах унять недовольных казаков, складывали полномочия, сдавали восставшим инсигнии атаманской власти – станичную печать и насеку. На их места избирались казаки из числа недовольных переселенческим произволом [Наш край, с. 105].

В октябре-ноябре 1793 г. бунтовали 50 казачьих станиц. Энергичными решительными действиями атаману А. И. Иловайскому и войсковому правительству удалось к январю 1794 г. замирить большую часть бунташных станиц. Несломленными остались только пять станиц-соседей: Есауловская, Кобылянская, Пятиизбянская (родина Н. И. Белогорохова), Нижнечирская и Верхнечирская. Для подавления восстания были вызваны регулярные войска под командованием генерала князя А. П. Щербатова. 24 февраля 1794 г. правительственные войска взяли Есауловскую станицу – центр мятежа. После падения «столицы» казаки четырех других станиц прекратили сопротивляться. Есаул Иван Рубцов, возглавлявший мятеж, получил 251 удар плетью, после чего его заклемили. Вскоре он потерял сознание и умер. Главные сообщниками Рубцова были объявлены 146 казаков, из них пятерых (по одному из каждой станицы) били кнутом и отправили в Нерчинск, еще десятерых (по два из каждой станицы) обратили в крепостное рабство, каждого десятого сослали в Сибирь, а всех остальных отправили с Дона на далекую чужбину – на Оренбургскую линию [Юдин, с. 184].

Несмотря на поражение восстания Белогорохова – Рубцова и жестокую расправу с мятежными казаками, последующие переселения донцов на Кавказ проводились в соответствии с традициями. В этом отношении показательна организация переселения донских казаков на р. Сунжу в 1845–1846 гг. Всего переселялось шесть урядничьих и 300 казачьих семейств, но при этом допускалось увеличение числа переселенцев за счет добровольцев. В переселенцы отбирались

только «довольно зажиточные казаки», которые имели дом, две пары волов, три лошади и не менее десяти голов рогатого скота [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 544. Л. 4]. Назначение на поселение проводилось исключительно двумя способами: вызовом «охотников», то есть добровольцев, и жребием. Допускался добровольный обмен в переселение, но только при условии, что переселявшийся также должен был соответствовать критериям зажиточности [Там же. Л. 5]. Переселенцы получили материальную помощь администрации, а также на пять лет освобождались от походной службы и всех земских повинностей. Казаки обязаны были только защищать свои станицы в случае набега горцев [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 320. Л. 74]. Донцы стали частью вновь формирувавшегося Сунженского казачьего полка, которым командовал майор Н. П. Слепцов, вскоре приобретший своими действиями против Малой Чечни громкую славу [Слепцов, с. 156].

Авангард колонизации

Казаки считались универсальным колонизационным инструментом присвоения пространства. Они могли не только заселить новую территорию, но и защитить ее самостоятельно, без поддержки регулярной армии. Империя успешно расширяла границы и вместе с тем экономила казенные средства. Поэтому не случайно в первой половине XIX в. появлялись проекты сплошной казачьей колонизации Северного Кавказа.

В «Записке о Кавказском крае» подпоручика М. Лофицкого предлагалось на всем пространстве северного склона Большого Кавказского хребта – от Черного до Каспийского морей – создать Кавказское казачье войско, которое должно было состоять из донских казачьих полков, переселенцев из малоземельных губерний и отставных солдат. Усилить новое казачье войско М. Лофицкий предполагал пехотным легионом из «солдат, набранных в разные времена в Кавказской губернии и служащих ныне в разных полках» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Разд. 1817. Д. 1933].

В бумагах Д. А. Милютина, датированных 1840 г., есть упоминание о проекте генерала Халанского, который состоял в том, «чтобы обратить все население Кавказской области в казачье сословие, т. е. образовать из всей Кавказской области одно целое, наподобие войска Донского» [РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16. Л. 5].

Полностью эти программы реализованы не были, но некоторые их элементы заметны в колонизационной политике на южной окраине государства Романовых. В середине – второй половине XIX в. российское правительство проводило активную политику переселения донских и азовских казаков, усиливая Кавказскую линию. По сведениям И. И. Краснова, в 1846–1864 гг. на Лабу и Терек было переселено 2 811 семейств, или около 10 тыс. человек [Краснов, 1882, с. 126]. В 1863 г. из Северного Причерноморья в Прикубанье переселили не менее 400 семейств казаков Азовского казачьего войска [ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161. Л. 1–2].

Постоянное взаимодействие с казаками Кавказского линейного войска, а также с горским населением позволило переселенцам адап-

тироваться на чужих берегах Терека, Сунжи, Кубани и Лабы. А донские полки, отправлявшиеся на Кавказ в очередную трехгодичную службу, такого опыта обживания в регионе не имели. Временный характер их службы имел значительные последствия, непосредственно влиявшие на боевую эффективность донских полков.

Особая война

В мемуарной литературе общим местом является признание нетипичности войны, которую вела Российская империя на Кавказе [Мемуары графа де Рошешуара, с. 340–341]. По формулировке В. В. Лапина, «европейские основы стратегии оказались совершенно неприемлемыми на Северном Кавказе» [Лапин, с. 187]. Со временем в рядах Отдельного кавказского корпуса сложилась военная субкультура «настоящих кавказцев», которые и составили «воинственный народ, создаваемый Россией и противопоставляемый воинственным народам Кавказа для защиты России» [Ответ кавказского офицера, с. 545–546]. Однако донские казаки, служившие в регионе временно, в порядке очередности, не стали частью этого «воинственного народа». Они гибли на Кавказе, но эти потери и лишения оставались бесславными. Кавказская война нанесла сильный удар по боевой репутации донского казачества.

Один из ветеранов Кавказской войны и блестящий мемуарист Г. И. Филипсон отмечал: «донцы не пользовались уважением горцев; но я всегда был уверен, что в том виноваты исключительно начальники, не умеющие употреблять этих казаков» [Воспоминания Григория Ивановича Филипсона, 1884, вып. 1–2, с. 334–335]. В качестве примера успешной службы донцов на Кавказе Г. И. Филипсон указывал на полк Немчинова, который служил в Анапе в 1842–1845 гг. и принимал участие в многочисленных походах против горцев. «Я уверен, что то же самое можно сделать с каждым донским полком; нужно только постепенно и осторожно развивать в них боевой дух, а не пускать их в первый же раз в такое дело, где бы они обожглись», – писал Г. И. Филипсон. Несмотря на признание высокого боевого потенциала донцов, мемуарист, завершая свои размышления о службе донских казаков на Кавказе, отметил: «в мое время донские казаки были только неопытны, офицеры же сверх того были необразованны, склонны к пьянству и к незаконной наживе на счет своих же подчиненных» [Там же, с. 335].

Оценку Г. И. Филипсона трудно считать предвзятой, несмотря на многочисленные ироничные замечания о донских казаках и их начальстве, которыми полны его воспоминания [Воспоминания Григория Ивановича Филипсона, 1883, вып. 5–6, с. 136]. Сведения о слабой подготовке и пьянстве донских офицеров известны и по другим источникам, в частности, из переписки кавказского наместника М. С. Воронцова и донского наказного атамана М. Г. Хомутова. В письме от 17 марта 1852 г. М. С. Воронцов раздраженно отмечал:

В донские казачьи полки, командируемые на Кавказ, назначаются и присылаются офицеры даже в чине есаула, неодобрительного поведения, которым не только не может быть поручена никакая команда, но которые, оставаясь в должности при штаб-квартирах, производят беспорядки и служат только отягощением для полковых командиров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 7].

К письму наместника был приложен список казаков, признанных неисправимыми в своем пьянстве и отправленных обратно на Дон. В нем было шесть сотников, семь есаулов и два хорунжих.

В ответном послании М. Г. Хомутов изложил причины такого широкого распространения пьянства среди офицеров Войска Донского. Наказной атаман указал на социальное расслоение внутри донского казачьего сообщества как на исходную причину офицерских пороков. Богатые и образованные казаки устраивались на службу в гвардию, прежде всего в казачий Атаманский его императорского высочества наследника полк, или в артиллерию и штабы. Бедным и необразованным казакам оставалась одна дорога – полевые полки, которые регулярно снаряжались для несения службы на Кавказе. На службе эти офицеры испытывали постоянные лишения и материальную нужду. Часть своего жалованья они отправляли на Дон семьям, а оставшееся содержания не хватало на достойное офицера существование. Поэтому многие донцы-офицеры «находили себе стол в общем котле со своими подчиненными» [Там же. Л. 10]. Это приводило казаков к фрустрации, психологическому надлому. М. Г. Хомутов так описывал их состояние:

Офицер от постоянного влияния на него недостатков, не в силах будучи бороться с ними, упадает в духе и забывает обязанность своего звания, а от забвения ему остается один шаг к пороку и к уничтожению всех добрых правил и всех достоинств, требуемых от офицера [Там же].

Полковые командиры пытались исправить поведение своих офицеров, но чаще всего эти попытки оставались безрезультатными. Запивших жалели и не отдавали в военный суд, а просто ждали окончания трехлетнего срока службы в надежде больше никогда не повстречаться с несчастным пьяницей. После того как цикл служебной очереди донских казаков совершал свой оборот, эти же «недостаточные» казаки-офицеры, обязанные 25-летним сроком службы, вновь отправлялись на Кавказ, теперь уже в составе других полков, и история повторялась.

Еще одной причиной неизбежности дурного поведения среди офицеров-донцов М. Г. Хомутов считал то, что на Дону все мужское казачье население было призвано на военную службу. Он писал кавказскому наместнику:

Я часто думаю – если бы на все дворянство какой-нибудь губернии, например, Московской, более других образованной, подобно Войску Донскому, надеть шарфы и эполеты и заставить их служить, то сколько бы среди онаго оказалось недостойным носить звание офицера [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 445. Л. 11].

Причины порочного поведения казачьих офицеров, которые выделил М. Г. Хомутов, можно условно назвать социальными. Действительно, трудное материальное положение донцов-офицеров являлось подходящей атмосферой для развития глубокой психологической депрессии, а вслед за ней и различных видов порочного поведения. «Недостаточные» были среди донских казаков и раньше, но именно на Кавказе донцы впадали в особенно тяжелое морально-психологическое состояние. Доказательством этого являются случаи дезертирства и суицида или его попыток, которые стали заметным явлением службы донцов на южной окраине Российской империи.

В этом отношении показательна резонансная история казака Андрея Двойнова, служившего на Кумыкской линии. 1 марта 1847 г. Двойнов, будучи пьян, ускакал к чеченцам, попутно украв лошадь своего урядника. В горах казак оказался в плену и был определен слугой в одну из чеченских семей. Вместе с другим русским пленником Двойнов бежал из плена, но не стал возвращаться на службу. Некоторое время он скрывался, но вскоре был задержан казачьим разъездом и доставлен в крепость Внезапную. По решению военного суда Двойнова признали виновным в побеге «без всяких побудительных причин» и «утрате не принадлежащей ему лошади». 30 сентября 1848 г. казака расстреляли перед гарнизоном Внезапной. В марте 1849 г. приказ о расстреле казака зачитывался во всех донских станицах при «полных общественных сборах». Атаман М. Г. Хомутов писал:

Каждый из слушателей разделит со мною чувство огорчения, произведенное гнусным и оскорбительным для чести всего войска поступком Двойнова, и что все служащие почтут священным долгом, обычную верностью, усердием и новыми примерами блистательной храбрости загладить и заставить забыть пятно, положенное на них бывшим собратом, заблудшимся и недостойным имени донского казака [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 385. Л. 34].

Эмоциональность и категоричность приказа, видимо, должны были мобилизовать казаков, воздействовать на боевой дух полков, ожидавших своей очереди в кавказскую службу.

По имеющимся источникам видно, что в донских полках на Кавказской линии тяготы службы стали приводить к самоубийству или покушениям на него. В 1845 г. застрелился казак Зотовской станицы Родион Тюрин, служивший в 5-м Донском казачьем полку [Там же. Д. 524. Л. 19 об.]. Урядник того же полка казак Аксайской станицы Иван Ковалев находился с 8 октября 1846 г. под следствием «за намерение посягнуть на жизнь свою» [Там же. Л. 69 об.].

Что могло стать причиной дезертирства и суицида среди донцов, служивших на Кавказе, кроме социальных факторов и тяжелого материального состояния казаков?

Как уже было отмечено, казаки в основном были совершенно не подготовлены к службе на Кавказе. Как писал И. И. Краснов:

Донские полки, как известно, приходят на Кавказ на три года. Полки эти составляются по большей части из половины малолетков, нигде еще не бывших на службе; другая половина хотя и состоит из старых казаков, но служивших в иных странах, если же и на Кавказе, то чрезвычайно редко в том месте, куда они снова прибыли служить, а на Кавказе каждая местность имеет свои особенности [Краснов, 1861, с. 139].

Отправляемые на Кавказ донцы не всегда имели достаточное вооружение и снаряжение. Вооружение казаков, переселяемых на Сунжу в 1846 г. после проверки командованием Кавказской линии, было признано неисправным. Атаман М. Г. Власов был вынужден оправдываться перед начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса генералом П. Е. Коцебу. Донское начальство объясняло неудовлетворительное состояние вооружения донцов тем, что видело переселяемых «более земледельцами, нежели воинами, которые в первое время должны находиться под военною защитою, и заботилось наиболее о том, чтобы переселенцы явились на Сунжу со всеми средствами новой оседлости» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 320. Л. 271].

Отсутствие опыта Кавказской войны у казаков, а в особенности у их офицеров, было поводом раздробить донские полки по различным постам Кавказской линии, где донцы были подчинены офицерам Кавказского линейного казачьего войска. Донцы оказывались на Кавказе аутсайдерами, служба которых была рутинной. Генерал А. П. Хрещатицкий, занимавший в 1859–1879 гг. должность походного атамана донских казачьих полков при Кавказской армии, отмечал в докладной записке начальнику главного штаба армии генералу А. П. Карцову, что «большая часть донских полков, служащих в здешнем крае, несут обязанность охранения границ, частью – конвоирования почт и при местных полицейских властях» [Там же. Оп. 2. Д. 493. Л. 9].

Служба донских казаков была лишена всякого престижа, а сами донцы превратились в своеобразных чернорабочих Кавказской линии. При этом донцы, сопровождавшие почту и продовольственные колонны, зачастую оказывались на обратном пути без надежного прикрытия. Это приводило к их неудачным стычкам с превосходящими числом отрядами горцев. Донцы гибли целыми конвойными командами [ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–16] и часто оказывались в плену [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 385. Л. 2–15].

Большие потери донцов негативно сказывались на их боевой репутации. Как отметил в воспоминаниях ветеран Кавказской войны казак-линеец А. Шпаковский, «донцы стоят вообще во мнении горцев

невысоко, всякий новоприбывший на линию полк нес значительные потери от незнания новичками местности, образа войны и уловок неприятеля» [Шпаковский, с. 209]. В отзыве А. Шпаковского отсутствует упоминание об основной причине больших потерь донцов на Кавказе.

Большие потери и их причины

Война Российской империи на Кавказе схожа по структуре потерь с военными экспедициями европейских держав в Африке и Азии. Наиболее смертоносными оказывались не пули или клинки, а климат и эпидемии. В исследовании известного американского историка Ф. Куртина приводятся данные о подобных потерях англичан в Индии и французов в Алжире, которые достигали 80 % от общего числа погибших солдат и офицеров европейских армий [Curtin, p. 81].

Сведения о составе российских войск на Кавказе и их потерях были собраны военным историком А. Л. Гизетти, труды которого, опубликованные на рубеже XIX–XX вв., остаются наиболее авторитетными и информативными справочниками по истории Кавказской войны [Гизетти, 1896; Гизетти, 1901]. В «Сборнике сведений о потерях Кавказских войск» представлены данные о боевых потерях русской армии в Кавказской войне, русско-турецких и русско-персидских войнах XIX в., закаспийских походах отрядов Кавказской армии. Два приложения включают сведения об убитых генералах и командирах отдельных частей, а также о погибших штаб- и обер-офицерах и чиновниках. Подсчеты А. Л. Гизетти производил на основе официальных документов. Согласно его данным, за годы Кавказской войны, хронологию которой он ограничивает 1801–1864 гг., русская армия потеряла убитыми – 804 офицера, 24 143 нижних чина, ранеными – 3 154 офицера и 61 971 нижний чин, пленными – 92 офицера и 5 915 нижних чинов [Гизетти, 1901, с. II]. А. Л. Гизетти отмечал, что к этим потерям необходимо прибавлять втрое большую цифру, которую составили умершие от болезней в гарнизонах Кавказской линии, прежде всего на Черноморской береговой линии [Там же, с. III].

Показательные данные о структуре потерь российской армии на Кавказе представлены в «Годовых рапортах о прибыти и убыти людей и лошадей в Отдельном Кавказском корпусе». Эти сводки составлялись ежегодно и отличаются детальностью. В 1834 г. в сражениях с горцами погибло 134 рядовых, в то время как от болезней умерло 5 897. В следующем 1835 г. в боях Отдельный Кавказский корпус потерял 126 рядовых, а различные заболевания унесли жизни 6 084 солдат [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 346. Л. 2–4].

По данным И. И. Краснова, в 1836–1864 гг. донское казачество потеряло на Кавказе убитыми и умершими от ран 1 763 человека, жертвами болезней за этот же период стали более 16 тыс. казаков [Краснов, 1882, с. 126]. Информативным источником для оценки потерь донцов в Кавказской войне являются «Списки о прибытии полков на Дон», которые составлялись по итогам трехлетнего

очередного срока службы на южной окраине Российской империи. Напротив фамилий погибших казаков указывались обстоятельства их смерти. Судя по этим данным, соотношение боевых и небоевых (болезни и эпидемии) потерь примерно равнялось 1 : 15 [ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 524. Л. 24–27], то есть на одного казака, погибшего в схватке с горцами, приходилось 15 умерших от болезней в лазаретах Тифлиса, Ставрополя, Георгиевска и Эривани. Как отметил И. И. Краснов, «донские полки по прибытии своем на Кавказ заболевают сотнями» [Краснов, 1861, с. 140].

В то время как донские казаки погибали в мелких стычках с горцами на Кавказской линии и массово умирали в лазаретах, казак-линейцы приобрели громкую славу непревзойденных наездников, мастеров джигитовки. Донцы с их громоздкими пиками представляли в этом отношении полную противоположность линейцам. Мнение о превосходстве линейных казаков над донскими было широко распространено на Кавказе [И. К., с. 73].

Таким образом, причинами депрессивного состояния донских казаков в условиях Кавказской войны следует считать дробление полков по различным укреплениям и постам Кавказской линии, тяжелое материальное положение офицеров и отсутствие опыта войны с горцами, высокую смертность от различных болезней. Дополнительным фактором, отягчавшим морально-психологический фон в донских казачьих полках, являлось повышенное внимание местного начальства к успехам линейного казачества.

Борьба за реформу

В 1840-е гг. появляется проект постоянных штабов донских полков на Кавказе. Предполагалось, что штабы будут нести постоянную службу, и это позволит опытным офицерам передавать навыки «кавказского способа войны» новичкам. Тот же принцип планировалось применить и в отношении состава донских полков, обновляя их на треть ежегодно. Наблюдая за службой ветеранов, новобранцы должны были легче адаптироваться к войне с горцами. Проект получил одобрение военного министра А. И. Чернышева, но встретил решительное сопротивление наказного атамана М. Г. Власова, по мнению которого новый порядок нарушал традиционные принципы службы донских казаков. Опасения М. Г. Власова были не напрасны: в среде донского казачества распространились слухи о том, что учреждение постоянных полковых штабов на Кавказе является предвестием нового массового переселения сюда казаков [Краснов, 1861, с. 141].

Проект остался лишь проектом, но его обсуждение продолжилось, расколов донцов на противников и сторонников реформы. Среди последних был особенно заметен И. И. Краснов, который в статье, опубликованной в журнале «Военный сборник», описал многочисленные преимущества новой организации казачьей службы на Кавказе и заметил: «этим одним способом мы избавились бы от тех

напрасных кровавых жертв, которые постоянно платили горцам» [Краснов, 1861, с. 142].

Эффективность непрерывной службы донских офицеров на Кавказе получила практическое подтверждение на примере Я. П. Бакланова. Будучи в 1847 г. майором, он получил в командование Донской казачий полк № 20. Через три года полк вернулся на Дон, но Я. П. Бакланов по личному ходатайству наместника М. С. Воронцова остался на Кавказе и стал командиром Донского полка № 17, который пришел на смену полка № 20 [Моя боевая жизнь, с. 8]. За годы, проведенные в постоянных столкновениях с горцами, Я. П. Бакланов приобрел большой опыт в войне на Кавказе, под его командой донские полки успешно противостояли набегам мюридов Шамиля. В 1845–1853 гг. баклановские донцы отбили у горцев 12 тыс. голов рогатого скота и 40 тыс. овец. Сам Я. П. Бакланов отмечал в воспоминаниях:

Имея вернейших лазутчиков и платя им хорошие деньги, я всегда был вовремя предупрежден о движении горцев; напал с моим полком и уничтожил так, что горцы к исходу 1853 г. прекратили свои налеты на наши пределы [Там же, с. 8–9].

Казаки Я. П. Бакланова доказали, что при умелом командовании донцы не уступают линейцам. В конце 1850-х гг. обсуждение проекта о постоянных штабах донских полков на Кавказской линии возобновляется. Его итогом стало утверждение в 1860 г. «Правил о третней смене служащих на Кавказской линии донских полков». И. И. Краснов писал об этом в пафосно-патетическом стиле: «Встретим же радостно новый порядок смены донских полков как зарю возрождения их к лучшему» [Краснов, 1861, с. 158].

Реформа явно запоздала, Кавказская война заканчивалась. Насколько эффективна была новая организация службы донских казаков на Кавказе, так и не было выяснено. Регулярные наряды на кавказскую службу прекратились после завершения Кавказской войны в 1864 г. К 1870 г. численность донских казаков на внешней службе, то есть за пределами Области Войска Донского, сократилась до 15 тыс. человек [Краснов, 1882, с. 127].

* * *

Присоединение Кавказа стало большим испытанием для донских казаков. Правительственное переселение по указу вызвало восстание 1792–1794 гг., которое сумело отстоять его традиционные принципы – добровольно и по жеребьевке, но не остановило донскую казачью колонизацию Терека и Кубани. Донские полки, отправлявшиеся на Кавказ каждые три года, испытывали серьезные сложности в адаптации к региональным условиям войны и мира. Неудачи донцов в Кавказской войне ускорили обсуждение реформы организации казачьего

войска, которая включала разные аспекты, от организации постоянных штабов донских полков на Кавказе до строевой подготовки.

Список литературы

- Архив князя А. И. Чернышева // СИРИО. Т. 122. 720 с.
- Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году : Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М. : РОССПЭН, 1999. 190 с.
- Венков А. В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М. : Вече, 2018. 448 с.
- Волвенко А. А.* Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть : Вторая половина XIX в. – начало XX в. М. : Центрполиграф, 2018. 223 с.
- Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Рус. архив. 1883. Вып. 5–6. С. 73–201; 1884. Вып. 1–2. С. 331–390.
- ГАКК. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1.
- ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161; Ф. 341. Оп. 1. Д. 165, 385, 524, 544.
- Гизетти А. Л.* Хроника Кавказских войск. Тифлис : Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896. 600 с.
- Гизетти А. Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае, 1801–1885 гг. Тифлис : Тип. Я. И. Либермана, 1901. [4], IV, 222 с.
- Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб. : Тип. О. М. Бакста, 1869. 220 с.
- Захаревич А. В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). Ростов н/Д : Изд-во РГПУ, 2005. 302 с.
- Золотов В. А., Пронштейн А. П.* За землю, за волю... Из истории народных движений на Дону. Ростов н/Д : Ростов. книж. изд-во, 1974. 308 с.
- И. К.* Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 68–80.
- Карасев А. А.* Чернышев на Дону (1819–1823 гг.) // Донские областные ведомости. 1903. 18 сент. С. 2–3; 19 сент. С. 2–3; 20 сент. С. 2–3.
- Краснов И. И.* Донцы на Кавказе. Учреждение на Кавказе постоянных штабов донских казачьих полков // Военный сборник. 1861. № 9. С. 137–158.
- Краснов Н.* Прошедшее и настоящее донских казаков // Военный сборник. 1882. № 11. С. 108–127.
- Латин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб. : Европ. дом, 2008. 400 с.
- Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I : (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб. : Звезда, 2002. С. 339–350.
- Меннинг Б. А. И.* Чернышев: русский Ликиург // Русский сборник : исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М. : Модест Колеров, 2009. С. 75–112.
- Моя боевая жизнь : (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанные собственной его рукой) // Русская старина. 1871. Т. 3. № 1. С. 1–16.
- Наш край. Документы по истории Донской области : в 2 т. Ростов н/Д : Гос. архив Ростов. обл., 1963. Т. 1. XVIII – начало XX в. 520 с.
- Ответ кавказского офицера на обвинения Н. Н. Муравьева // Русская старина. 1872. Т. 6. Вып. 7–12. С. 545–547.
- Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1961. 375 с. ПСЗ-1. Т. 23.
- РГБ. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16.
- РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 346, 493; Оп. 3. Д. 320, 445.
- РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Разд. 1817. Д. 1933.
- Рыжкова Н. В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М. : Вече, 2015. 384 с.

Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. 548 с.

Слепцов (из воспоминаний князя Дондукова-Корсакова) // *Старина и новизна*. Кн. 5. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1902. С. 155–160.

Фелицын Е. Д. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка. Екатеринодар : Тип. А. П. Стасhevского, 1895. 250 с.

Шпаковский А. Записки старого казака // *Военный сборник*. 1870. № 7. С. 187–222.

Юдин П. К. Истории пугачевщины // *Рус. архив*. 1896. № 5. С. 161–184.

Curtin Ph. D. Death by Migration: Europe's Encounter with the Tropical World in the Nineteenth Century. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. 271 p.

References

Arkhip knyazya A. I. Chernysheva [Archive of Prince A. I. Chernyshev]. (1905). In *SIRIO*. Vol. 122. 255 p.

Bezotosnyi, V. M. (1999). *Donskoi generalitet i ataman Platov v 1812 godu. Maloizvestnye i neizvestnye fakty na fone znamenitykh sobytii* [Don Generals and Ataman Platov in 1812. Little-Known and Unknown Facts against the Background of Famous Events]. Moscow, ROSSPEN. 190 p.

Curtin, Ph., D. (1989). *Death by Migration: Europe's Encounter with the Tropical World in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 271 p.

Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Russia's Treaties with the East. Political and Commercial]. (1869). St Petersburg, Tipografiya O. M. Baksta. 220 p.

Felitsyn, E. D. (1895). *Pobeg s Kubani trekh donskikh polkov v 1792 godu, bunt na Donu i poselenie stants, voshedshikh v sostav Kubanskogo konnogo polka* [Escape from Kuban of Three Don Regiments in 1792, the Riot on the Don and the Settlement of Villages, Which Became Part of the Kuban Cavalry Regiment]. Yekaterinodar, Tipografiya A. P. Stashevskogo. 250 p.

GAKK [State Archive of Krasnodar Region]. Stock 363. List 1. Dos.1.

GARO [State Archive of Rostov Region]. Stock 301. List 13. Dos. 161; Stock 341. List 1. Dos. 165, 385, 524, 544.

Gizetti, A. L. (1896). *Khronika Kavkazskikh voisk* [A Chronicle of the Caucasian Troops]. Tiflis, Tipografiya kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. 600 p.

Gizetti, A. L. (1901). *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremena voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae, 1801–1885 gg.* [A Collection of Information on the Losses of Caucasian Troops during the Wars of the Caucasus, Persian, Turkish, and Transcaspien Regions, 1801–1885]. Tiflis, Tipografiya Ya. I. Libermana. [4], IV, 222 p.

I. K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of Young Cossacks in the Don Army]. In *Voennyi sbornik*. No. 1, pp. 68–80.

Karasev, A. A. (1903). Chernyshev na Donu (1819–1823 gg.) [Chernyshev on the Don (1819–1823)]. In *Donskie oblastnye vedomosti*. 18 Sept., pp. 2–3; 19 Sept., pp. 2–3; 20 Sept., pp. 2–3.

Krasnov, I. I. (1861). Dontsy na Kavkaze. Uchrezhdenie na Kavkaze postoyannykh shtabov donskikh kazach'ikh polkov [Don Cossacks in the Caucasus. Establishment of the Permanent Staff of Don Cossack Regiments in the Caucasus]. In *Voennyi sbornik*. No. 9, pp. 137–158.

Krasnov, N. (1882). Proshedshee i nastoyashchee donskikh kazakov [Past and Present of the Don Cossacks]. In *Voennyi sbornik*. No. 11, pp. 108–127.

Lapin, V. V. (2008). *Armia Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 400 p.

Memuary grafa de Rosheshuara, ad'yutanta imperatora Aleksandra I. (Revolyutsiya, Restavratsiya, Imperiya) [Memoirs of Count de Rochechouart, Aide-de-camp to Emperor Alexander I. (Revolution, Restoration, Empire)]. (2002). In *Kavkazskaya voina: istoki i nachalo. 1770–1820 gody*. St Petersburg, Zvezda, pp. 339–350.

Menning, B. (2009). A. I. Chernyshev: russkii Likurg [A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus]. In *Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii XIX–XX vv.* Vol. 7. Voennaya politika imperatora Nikolaya I. Moscow, Modest Kolerov, pp. 75–112.

Moya boevaya zhizn'. (*Zapiski Voiska Donskogo general-leitananta Yakova Petrova Baklanova, napisannye sobstvennoi ego rukoi*) [My Combat Life. (Notes of the Don Army Lieutenant General Yakov Petrov Baklanov, Written by His Own Hand)]. (1871). In *Russkaya starina*. Vol. 3. No. 1, pp. 1–16.

Nash kraï. Dokumenty po istorii Donskoi oblasti v 2 t. [Our Region. Documents on the History of Don Region. 2 Vols.]. (1963). Rostov-on-Don, Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. Vol. 1. XVIII – nachalo XX v. 520 p.

Otvet kavkazskogo ofitsera na obvineniya N. N. Murav'eva [The Response of the Caucasian Officer to the Accusations of N. N. Muravyov]. (1872). In *Russkaya starina*. Vol. 6. Iss. 7–12, pp. 545–547.

Pronshtein, A. P. (1961). *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 375 p. *PSZ* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 23.

RGB [Russian State Library]. Stock 169. List 18. Dos. 16.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1409. List 1. Part 1817. Dos. 1933.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 14719. List 2. Dos. 346, 493; List 3. Dos. 320, 445.

Ryzhkova, N. V. (2015). *Donskoe kazachestvo v voïnach nachala XX veka* [Don Cossacks in the Wars of the Early 20th Century]. Moscow, Veche. 384 p.

Sapozhnikov, A. I. (2012). *Voïsko Donskoe v Otechestvennoi voïne 1812 goda* [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 548 p.

Shpakovskii, A. (1870). *Zapiski starogo kazaka* [Notes of an Old Cossack]. In *Voennyi sbornik*. No. 7, pp. 187–221.

Sleptsov (iz vospominanii knyazya Dondukova-Korsakova) [Sleptsov (from the Memoirs of Prince Dondukov-Korsakov)]. (1902). In *Starina i novizna*. Book 5. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, pp. 155–160.

Venkov, A. V. (2018). *Groza Kavkaza. Zhizn' i podvigi generala Baklanova* [The Storm of the Caucasus. The Life and Exploits of General Baklanov]. Moscow, Veche. 448 p.

Volvenko, A. A. (2018). *Donskoe kazachestvo pozdneimperskoi epokhi. Zemlya. Sluzhba. Vlast'. Vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Don Cossacks of the Late Imperial Era. Earth. Service. Power. Second Half of the 19th Century – Early 20th Century.]. Moscow, Tsentrpoligraf. 223 p.

Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memories of Grigory Ivanovich Philipson]. (1883–1884). In *Russkii arkhiv*. 1883. Iss. 5–6, pp. 241–356. 1884. Iss. 1–2, pp. 331–390.

Yudin, P. (1896). *K istorii pugachevshchiny* [On the History of the Pugachev Rebellion]. In *Russkii arkhiv*. No. 5, pp. 161–184.

Zakharevich, A. V. (2005). *Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voïny (1801–1804 gg.)* [Don Cossacks in the Battles with Highlanders in the North Caucasus in the Initial Phase of the Defensive Period of the Caucasian War (1801–1804)]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 302 p.

Zolotov, V. A., Pronshtein, A. P. (1974). *Za zemlyu, za volyu... Iz istorii narodnykh dvizhenii na Donu* [For Land, for Freedom... From the History of Popular Movements on the Don]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 308 p.

The article was submitted on 13.10.2019